

Примечания

¹ Большая медицинская энциклопедия / под ред. Б.В. Петровского. М.: Советская энциклопедия, 1977. Т. VI. С. 37–38.

² См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedia-dictionary/098/98949.htm.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Цит. по: Гинзбург А.А. // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 3. С. 106–161.

⁸ См.: Акопов В.И. Медицинское право в вопросах и ответах. М.: ПРИОР, 2001. С. 98–103.

*Ю.А. Кузовенкова**

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

В семидесятых и восьмидесятых годах прошлого столетия учеными-юристами активно разрабатывалась концепция юридической ответственности. Результаты исследований внесли существенный вклад в решение вопросов о сущности и основаниях привлечения граждан и юридических лиц к ответственности в различных отраслях права.

Ответственность – сложное многостороннее понятие.

Многие ученые рассматривали ответственность в двух аспектах: активном (позитивном) и ретроспективном (негативном). Позитивная ответственность, по мнению этих исследователей, – это обязанность соблюдать, исполнять предписания нормативно-правовых актов, вытекающая из понимания того, что общественное отношение, в рамках которого предпринимаются те или иные действия (бездействие), регламентировано правовыми нормами, обеспеченными предусмотренными в них санкциями – мерами принуждения, что устанавливает необходимость лица «держат ответ» за совершенное им. Основанием позитивной ответственно-

* © Кузовенкова Ю.А., 2012

Кузовенкова Юлия Алексеевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

сти служит регламентированность соответствующего поведения государством, наличие правовой нормы, которая предусматривает общеобязательный и формально-определенный образец этого поведения и последствия в случае отклонения от этого образца. Фактическое же нарушение этой правовой нормы предполагает реакцию государства на это правонарушение, наступление различных неблагоприятных последствий для правонарушителя в виде претерпевания определенных лишений и ограничений. Эта сторона правовой ответственности – негативная форма ее проявления.

Обстоятельное исследование юридической ответственности было предпринято С.Н. Братусем, который трактует ее главным образом как неблагоприятные последствия невыполнения обязанности – принуждение, санкция¹.

М.С. Строгович, напротив, считает, что понимание юридической ответственности лежит прежде всего в ее позитивном значении как ответственности за правильное исполнение обязанностей, как ответственного отношения к порученному делу, как ответственности, лежащей на гражданах и организациях все время с момента возложения на них обязанностей и сопровождаемой ответственностью в смысле принуждения, взыскания, санкции лишь в случаях нарушения, неисполнения обязанности, что выражает реальный процесс осуществления и развития ответственности в законодательстве, в практической государственной и общественной деятельности, в личной жизни граждан².

В литературе также отмечено, что акцентирование внимания на созидательно-преобразующей роли и мотивационно-предупредительных возможностях правовых требований и императивов будет способствовать обеспечению законности и правопорядка, профилактике правонарушений на основе коренного улучшения правового воспитания граждан, повышению у них чувства ответственности и сознания незыблемости правовых предписаний³.

В то же время многие исследователи считали, что юридическая ответственность – это именно ответственность ретроспективная, наступающая лишь тогда, когда совершено правонарушение, которое повлечет для виновного лица неблагоприятные последствия. К примеру, Р.О. Халфина, полагала, что в юридической науке понятие ответственности применяется для обозначения отрицательных последствий для лица или организации, допустивших противоправный поступок, поэтому ответственность может быть только ретроспективной⁴.

Ядром концепции негативной юридической ответственности является правонарушение. Проблему правонарушения традиционно

принято считать лишь проблемой материального права. Однако в правовой сфере могут иметь место правонарушения различных видов: гражданские, административные, дисциплинарные и наиболее опасные – преступления. В то же время встречается немало правонарушений и в процессе осуществления гражданско-процессуальной и уголовно-процессуальной деятельности. С большей или меньшей определенностью последние обозначены в уголовно-процессуальном законодательстве России.

На этом основании, опираясь на концепцию ретроспективной юридической ответственности, многие ученые-процессуалисты (М.С. Строгович, П.С. Элькинд, Г.Н. Ветрова и др.) выделяют в качестве самостоятельного такой вид юридической ответственности, как ответственность уголовно-процессуальная, которая может быть возложена на участников уголовного судопроизводства как на субъектов уголовно-процессуальных отношений в случае совершения ими уголовно-процессуальных нарушений.

Также и В.М. Корнуков полагал, что уголовно-процессуальная ответственность – это «вид юридической ответственности, предусматриваемой нормами уголовно-процессуального права за противоправное поведение и, в частности, за невыполнение обязанностей в сфере уголовного судопроизводства»⁵.

Основанием возникновения уголовно-процессуальной ответственности является факт совершения уголовно-процессуального правонарушения. Серьезные аргументы в обоснование самостоятельного характера уголовно-процессуальной ответственности высказаны В.С. Вепревым. Автор правильно отмечает, что санкции составляют собственно нормативную основу существования уголовно-процессуальной ответственности. Санкции и охранительные предписания образуют существенную часть охранительного механизма, присущего уголовно-процессуальному праву. Охранительные нормативные предписания отрасли права должны рассматриваться с точки зрения их направленности на отношения, подлежащие уголовно-процессуальной регламентации. Таким образом, выделяя уголовно-процессуальную ответственность, мы должны основываться не просто на наличии самостоятельного метода правового регулирования, а на том обстоятельстве, что уголовно-процессуальное право, как и любая другая отрасль, обладает собственной логикой правового регулирования. Уголовно-процессуальные регулятивные предписания должны выполняться их адресатами, т. е. участниками уголовно-процессуальной деятельности. Их надлежащее выполнение обеспечивается охранитель-

ными предписаниями, предусматривающими ответственность за их неисполнение или ненадлежащее исполнение⁶.

Как отмечали в свое время П.С. Элькинд и Н.А. Чечина, уголовно-процессуальная ответственность, имея свойства любого вида юридической ответственности, обладает своими отличительными свойствами:

– юридическим основанием применения процессуальной ответственности служат нормы процессуального права, предусматривающие как обязанность (в диспозиции), нарушение которой составляет правонарушение, так и меру ответственности (в санкции) за нарушение соответствующей правовой обязанности;

– фактическим основанием уголовно-процессуальной ответственности является реально совершенное правонарушение, т. е. нарушение требований уголовно-процессуального закона, совершенное конкретным лицом – субъектом уголовного судопроизводства в форме сознательного неисполнения соответствующих обязанностей⁷;

– субъектами процессуальной ответственности могут быть только лица, выполняющие определенные процессуальные функции, наделенные теми или иными процессуальными правами и несущие процессуальные обязанности;

– процессуальная ответственность всегда выражается в форме правоотношения, урегулированного нормами уголовно-процессуального права, общественного отношения между лицом, нарушившим требование закона и поэтому подвергаемым ответственности, и компетентным органом государства, возлагающим на него такую ответственность. Данное правоотношение имеет ярко выраженный государственно-властный характер, ибо содержит властное веление органа дознания, следствия, прокуратуры, суда, которому обязан подчиниться соответствующий субъект судопроизводства⁸.

Эти соображения во многом сохранили свое значение и до настоящего времени, хотя по вопросу о фактических и юридических (формально-правовых) основаниях применения уголовно-процессуальной ответственности в дальнейшем будет сформулировано иное представление, соответствующее современному уровню разработки проблемы оснований процессуальных решений.

Как отмечает Л.В. Головкин, обязанность понести процессуальную ответственность возникает у субъекта судопроизводства в момент нарушения им требований процессуального закона. Такое правонарушение образует юридический факт, порождающий ука-

занное правоотношение. Хотя реально процессуальная ответственность и в этот момент может еще не наступить, тем не менее, возникновение у компетентного органа государства права на ее применение, а у нарушителя — обязанности ее понести означает возникновение соответствующего правоотношения⁹.

По убедительному мнению Г.Н. Ветровой, в свое время глубоко исследовавшей эту проблему, уголовно-процессуальная ответственность, подобно другим видам правовой ответственности, представляет собой форму проявления социальной ответственности личности в соответствующей сфере правового регулирования, в данном случае в сфере уголовного судопроизводства. Она отражает систему связей государства и личности по поводу возложенных на последнюю процессуальных обязанностей и служит гарантией их выполнения. Уголовно-процессуальная ответственность призвана обеспечивать правомерное поведение субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Ее конечная цель — обеспечение нормального движения уголовного судопроизводства по делу для успешного решения его задач¹⁰. Уголовно-процессуальная ответственность — это «...специфическое процессуальное средство обеспечения уголовно-процессуальных отношений, гарантирующее выполнение процессуальных обязанностей»¹¹.

Соглашаясь с такими представлениями, в то же время трудно разделить мнение Г.Н. Ветровой о том, что в структуру уголовно-процессуальной ответственности входят и меры пресечения. Как верно отметил В.С. Вепрев, применение мер пресечения приобретает характер уголовно-процессуальной ответственности лишь в случаях изменения одной (более мягкой) меры пресечения на другую — более строгую при условии нарушения лицом обязанности по соблюдению ограничений, связанных с применением предыдущей меры пресечения¹². Во всех остальных случаях мера пресечения — это не санкция за правонарушение, а профилактическая мера.

Сторонники признания уголовно-процессуальной ответственности как самостоятельной разновидности юридической ответственности под ней обычно понимают реализацию санкции, полагая, что ответственность проявляется как наказание и возможна на основании норм, имеющих собственную санкцию¹³. Интерпретация уголовно-процессуальной ответственности через санкцию, так или иначе, присутствует в работах всех процессуалистов, затрагивающих данный вопрос. Объем же, конкретные формы ответственности определяются по-разному¹⁴. Одни считают, что ответ-

ственность за уголовно-процессуальное нарушение может выступать в виде уголовно-правовой, административной и дисциплинарной¹⁵. Другие относят к ней лишь случаи реализации непосредственно уголовно-процессуальных санкций¹⁶, когда на субъекта накладываются определенные ограничения за конкретное правонарушение.

По мнению В.С. Вепрева, санкция есть основа уголовно-процессуальной ответственности¹⁷. Это в целом верно, ибо, как отмечено, без санкции ответственность невозможна.

Нам представляется обоснованной позиция исследователей, которые видят в санкции **меру** юридической, в том числе уголовно-процессуальной, ответственности. Под таким углом зрения, санкция — это количественный, т. е. измеримый в определенных показателях, аспект, элемент юридической, в т. ч. уголовно-процессуальной, ответственности, не совпадающей с более широким понятием ответственности, но органично не отделимой от нее¹⁸.

Согласимся с мнением Г.Н. Ветровой, что правонарушение и юридическая ответственность — фундаментальные категории права, неразрывно связанные с понятием санкции правовой нормы. Правонарушение — основание применения санкций и ответственности. Ответственность же может быть выражена только через акт реализации санкции, которая, в свою очередь, является формой бытия ответственности¹⁹.

Анализируя в более широком плане санкции юридической ответственности, С.С. Алексеев обоснованно подразделяет их на две большие и существенно различающиеся между собой группы:

— правосстановительные санкции, которые состоят в устранении вреда, возникшего в результате неправомерного поведения, в восстановлении нарушенных прав, обеспечении исполнения обязанности;

— штрафные санкции — они состоят в таком правовом уроне для правонарушителя, который заключается в новых для него обременениях — правоограничениях, специальных обязанностях²⁰.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает различные виды штрафных санкций, применяемых за уголовно-процессуальные нарушения. Регламентируя некоторые из них, закон отсылает к нормам уголовного права, поскольку некоторые уголовно-процессуальные правонарушения, такие как отказ от дачи показаний, дача ложных показаний, заключений и др., являются в то же время и преступными действиями. Но некоторые правонарушения — «чисто» процессуальные и влекут за собой лишь процессуальную ответственность.

Ввиду всего вышесказанного санкцией уголовно-процессуальной ответственности, несомненно, будет и денежное взыскание, т. к. его наложение порождает неблагоприятные последствия в виде материального обременения участников уголовного судопроизводства и иных лиц — имущественные потери как результат совершенного правонарушения — невыполнения процессуальных обязанностей либо неподчинения законным распоряжениям должностных лиц и государственных органов, уполномоченных на это.

Следует, однако, подчеркнуть, что механизм воздействия данной штрафной санкции на поведение обязанного лица этим не исчерпывается, т. к. денежное взыскание имеет важнейшую роль в обеспечении надлежащего порядка судопроизводства. Подвергнутый этой мере принуждения участник процесса воспринимает ее как наказание за совершенное правонарушение, и это может побудить его к тому, чтобы в случаях повторных вызовов (или привлечения к свидетельству по другим делам) считаться бы с возможностью неблагоприятных последствий отказа от выполнения обязанностей и стремиться ее предотвратить своим законопослушным поведением. В подобной ситуации наложение денежного взыскания выступает как профилактическая мера предотвращения в будущем подобных правонарушений и только в этом смысле приобретает черты правосстановительной санкции. Оно также выступает мерой по преодолению дефектов правосознания лица.

Отметим далее, что предусмотренная ст. 117, 118, ч. 1 ст. 258 УПК РФ система норм, регулирующих наложение денежного взыскания при производстве по уголовным делам, требует отграничения денежного взыскания от иных мер, связанных с причинением материальных потерь лицу, нарушившему свои предусмотренные законом обязанности.

Значимым с этой точки зрения является вопрос о соотношении денежного взыскания и обращения залога в доход государства в случае невыполнения или нарушения подозреваемым, обвиняемым обязательств, связанных с внесенным за него залогом (ч. 4 ст. 106 УПК РФ). В уголовном процессе под залогом понимается мера пресечения имущественного характера, состоящая во внесении в соответствующий судебный орган денег, имущества и ценностей в обеспечение явки по вызовам и надлежащего поведения обвиняемого и подсудимого²¹. Как отмечает Е.Г. Васильева, залог — единственная присущая современному российскому уголовно-процессуальному законодательству имущественная мера пресечения. Она воздействует на личность, ограничивая

прежде всего ее независимость и экономические права. Сам факт нахождения лица под залогом, а также большая вероятность в случае его нарушения быть лишенным свободы представляют собой серьезное психическое принуждение²².

Механизм эффективности данной меры пресечения, подчеркнув его имущественную нацеленность, верно определил К.В. Попов: «Цели применения данной меры пресечения достигаются путем воздействия на материальные интересы лица, в отношении которого она применяется, ибо залоговая сумма вносится им самим, а также путем воздействия и на его моральные стимулы, когда залог вносится третьим лицом и обвиняемый (подозреваемый), не желая причинить затраты залогодателю, выполняет обязанности, возложенные на него в связи с применением залога»²³. Т.И. Шаповалова, определяя назначение этой меры, не акцентирует этот аспект и считает, что залог лишь гарантирует: «а) отбытие осужденным назначенного наказания; б) взыскание штрафа, назначенного судом в качестве уголовного наказания; в) удовлетворение предъявленного гражданского иска; г) конфискацию имущества; д) взыскание судебных издержек...»²⁴ Однако, как правильно отмечает К.В. Попов, если рассматривать и законодательно закрепить залог именно в таком ключе, как предлагает Т.И. Шаповалова, то его эффективность как меры пресечения резко снизится. Во-первых, уменьшится число третьих лиц, желающих поручиться за обвиняемого (подозреваемого), если они будут знать, что суммой залога будут покрываться все расходы по данному делу. Во-вторых, сами обвиняемые (подозреваемые) будут умалчивать о своих возможностях внести залог и настаивать на применении менее эффективных мер пресечения. Поэтому позиция российского законодателя, рассматривающего залог лишь как средство обеспечения явки обвиняемого (подозреваемого) и предупреждения совершения им новых преступлений представляется более способствующей достижению целей мер пресечения²⁵.

С.И. Вершинина также указывает на существенное влияние залога как имущественной меры на поведение обвиняемого и подозреваемого²⁶. Однако это верное положение не позволяет отождествить эту меру с денежным взысканием.

Как мы уже отмечали выше, денежное взыскание в системе мер принуждения относится к мерам уголовно-процессуальной ответственности. Обращение же залога в доход государства, несмотря на свою схожесть с мерами ответственности, таковой не является. Объясняется это тем, что залог — это одна из мер пресе-

чения, которые, по словам И.Л. Петрухина, имеют своей целью в принудительном порядке предупредить противоправное или иное нежелательное с точки зрения достижения задач процесса поведение соответствующих участников уголовного судопроизводства. Все эти меры могут быть применены без вины. Они не являются, по общему правилу, реакцией государства на противоправное поведение обвиняемого (другого субъекта процесса), т. е. не выступают в виде мер юридической ответственности и не связаны с применением санкций процессуальных или иных правовых норм. Для применения указанных мер достаточно обоснованного предположения, что могут наступить нежелательные последствия, предупреждению которых служат эти меры²⁷. Задача же денежного взыскания состоит в наказании лиц, совершивших уголовно-процессуальное правонарушение, являющееся основанием его применения.

При таком положении лишь обращение залога в доход государства в случае нарушения подозреваемым, обвиняемым обязательства о надлежащем поведении (явки по вызовам, несовершения новых преступлений), как это предусмотрено ч. 4 ст. 106 УПК, выступает своеобразной санкцией уголовно-процессуальной ответственности. Но это — не денежное взыскание, т. к. имущественное обеспечение залога происходит ранее, когда правонарушение еще не совершено и еще неизвестно, будет ли оно совершено, в то время как денежное взыскание — это оперативная реакция государства на уже совершенное правонарушение. Если же залог внесен третьим лицом, его ответственность за необеспечение должного поведения реализуется не в виде денежного взыскания, а в виде обращения залоговой суммы в доход государства, о возможности чего залогодатель был заранее предупрежден (ч. 3 ст. 106 УПК РФ).

Столь же существенным, как и предыдущий, является вопрос о соотношении денежного взыскания и удовлетворении гражданского иска в уголовном процессе, поскольку разрешение гражданского иска судом также приводит к умалению имущественного положения правонарушителя.

Исследование вопросов рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе предпринято многими учеными²⁸. В настоящее время гражданский иск в науке уголовного процесса понимается как:

- институт гражданского и уголовного процессуального права, т. е. межотраслевой институт²⁹;
- институт гражданского процессуального права, который при определенных условиях применяется для урегулирования некото-

рых имущественных отношений в сфере уголовного судопроизводства методами гражданского процесса³⁰;

— самостоятельный уголовно-процессуальный институт³¹;

— комплексный уголовно-процессуальный институт, который представляет собой совокупность норм, регулирующих общественные (уголовно-процессуальные) отношения по поводу имущественных последствий преступления в сфере уголовного судопроизводства, и включает в себя в силу единства материальных гражданско-правовых отношений в уголовном и гражданском процессах элементы гражданско-процессуального метода регулирования³².

Последняя точка зрения представляется обоснованной. С достаточным основанием вслед за И.Г. Кожиным можно утверждать, что этот институт, имея гражданско-правовое происхождение, обеспечивает в уголовном процессе наиболее быстрое восстановление нарушенных имущественных прав потерпевшего, способствует недопущению противоречивых выводов по одним и тем же вопросам, помогает уточнить квалификацию преступления, правильно выбрать меру наказания, установить гражданско-правовые последствия преступления, принять меры к их устранению. Немаловажное значение имеет и то, что при одновременном рассмотрении гражданского иска значительно повышается воспитательная роль уголовного процесса, поскольку у потерпевших и иных лиц, участвующих в рассмотрении дела, складывается убеждение в неизбежности возмещения причиненного преступлением ущерба³³.

Все вышесказанное указывает на известную схожесть институтов гражданского иска и денежного взыскания. Более того, можно считать, что удовлетворение гражданского иска — это своеобразная штрафная санкция за правонарушение, но санкция по природе своей гражданско-правовая, а отнюдь не уголовно-процессуальная, каковой является денежное взыскание. Таким образом, природа этих мер принципиально различна. Кардинальное отличие усматривается в основаниях и процедуре разрешения гражданского иска и наложения денежного взыскания.

Примечания

¹ Братусь Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 95.

² Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 78.

³ Астемиров З.А. Понятие юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 6. С. 67.

⁴ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 316—317.

⁵ Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 10.

⁶ Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 14.

⁷ Указанный подход в целом основывается на наиболее распространенных общетеоретических представлениях о юридической ответственности. См., например: Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности. М., 1998. С. 18.; Гойман В.И. Правонарушение и юридическая ответственность // Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 207; Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 134 и др. исследования.

⁸ Чечина Н.А., Элькинд П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 37–38.

⁹ Головкин Л.В. Юридическая ответственность в общетеоретическом плане // Советское государство и право. 1972. № 10. С. 135.

¹⁰ Ветрова Г.Н. Ответственность в сфере уголовно-процессуальных отношений // Советское государство и право. 1982. № 2.

¹¹ Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М. 1987. С. 50.

¹² Вепрев В.С. Указ. соч. С. 13.

¹³ Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. С. 10, 12–13.; Филющенко А.А. Об уголовно-процессуальном принуждении // Правоведение, 1974. № 3. С. 108.

¹⁴ Барабаш А.С. Негативная уголовно-процессуальная ответственность // Правоведение, 1987. № 4. С. 90.

¹⁵ Алексеева Л.Б. Принуждение и ответственность в механизме уголовно-процессуального регулирования // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 30. С. 88–89.

¹⁶ Еникеев З.Д. Меры уголовно-процессуального принуждения (социальная обусловленность и юридическая природа) // Правоведение. 1978. № 6. С. 64.

¹⁷ Вепрев В.С. Указ. соч. С. 14.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ветрова Г.Н. Санкции в судебном праве. М.: Наука, 1991. С. 158.

²⁰ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 272. Такое представление о видах правосоставительных санкций разделяют и другие авторы. См., например: Шейфер С.А. Проблемы теории и практики уголовно-процессуальной ответственности // Актуальные проблемы юридической ответственности: материалы межвуз. науч.-практич. конф. / отв. ред. д-р юрид. наук, профессор Р.Л. Хачатуров. Тольятти, 2003. С. 120–124; Его же. К вопросу об основаниях и субъектах уголовно-процессуальной ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Спец. вып. «Правоведение». 2008. № 2 (2). С. 232.

²¹ Попов К.В. Проблемы участия суда в применении мер пресечения: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 139.

²² Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа: Изд-во БашГУ, 2003. С. 76.

²³ Там же. С. 140.

²⁴ Шаповалова Т.И. Залог как мера пресечения в уголовном процессе и его применение следователями органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 5

²⁵ Попов К.В. Указ. соч. С. 144.

²⁶ Вершинина С.И. Залог в системе мер пресечения: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1998. С. 34.

²⁷ Петрухин И.Л. Уголовно-процессуальная ответственность // Правоведение. 1984. № 3. С. 64.

²⁸ Сысоев В., Храмов К. Так ли уж неуместен гражданский иск в уголовном процессе? // Российская юстиция. 2001. № 10. С. 67–69; Рахимов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. С. 254; Мазалов А.Г. Гражданский иск в уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1977. С. 14–15; Горобец В. Особенности рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе // Российская юстиция. 2001. № 1. С. 47–50; Божьев В.П. Применение норм ГПК при рассмотрении гражданского иска // Советская юстиция. 1971. № 15. С. 18–19; Чичко В.Н. Гражданский истец и гражданский ответчик на предварительном следствии. М., 1984. С. 8; Лившиц Ю., Тимошенко А. Назначение института гражданского иска в уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 6. С. 43–46; Милицин С., Попкова Е. Уголовное дело и гражданский иск: вместе или порознь? // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 46–49.

²⁹ Советский гражданский процесс / под ред. А.А. Добровольского и А.Ф. Клеймана. М., 1970. С. 121.

³⁰ Владимирова В.В. Гражданский иск в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2005. № 10. С. 15.

³¹ Адоян Ю.Р. О гражданском ответчике в советском уголовном процессе // Правоведение. 1966. № 1. С. 70; Лившиц Ю., Тимошенко А. Указ. соч. С. 43–46.

³² Даев В.Г. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Л.: ЛГУ, 1972. С. 13–14; Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск, 1963. С. 231.

³³ Кожин И.Г. Институт гражданского иска в уголовном процессе по новому УПК РФ // Право и безопасность. 2003. № 1–2 (6–7). С. 20.